

«Пусть Горбачев представит нам доказательства»

Двадцать второго марта **New York Times** под заголовком **«Гласность или ловкость рук?»** опубликовала письмо, подписанное десятью видными изгнанниками. Вскоре его перепечатали лондонская **Times** и парижская **Figaro**, которая озаглавила публикацию **«Пусть Горбачев представит нам доказательства»**. Уже 29 марта письмо появилось в газете **«Московские новости»**.

Авторы письма - эмигранты из СССР, живущие на Западе: **Василий Аксенов, Владимир Буковский, Эдуард Кузнецов, Юрий Любимов, Владимир Максимов, Эрнст Неизвестный, Юрий Орлов, Леонид Плющ, Александр Зиновьев и его жена Ольга** - писали:

«Что представляет собой новая политика Михаила Горбачева — тот самый исторический поворот, о котором мы мечтали, знаменующий собой конец угнетения и нищеты в Советском Союзе? Или мы стали свидетелями лишь короткой „оттепели“, тактического отхода перед новым наступлением, как выразился Ленин в 1921 г.?

Да, сегодня из лагерей и ссылки возвращен ряд ведущих правозащитников. Этот жест можно только приветствовать, однако нельзя не отметить, что подобное „избирательное милосердие“ на то и рассчитано, чтобы произвести максимум впечатления на общественность при минимуме настоящих уступок.

Если отношение к таким людям в СССР действительно меняется, почему бы просто не объявить амнистию всем узникам совести, вместо того чтобы принимать решения по некоторым особо нашумевшим делам одно за другим, в течение года? <...>

Еще больше, казалось бы, можно приветствовать заявленное Советским Союзом желание завершить войну в Афганистане. Но если Кремль действительно хочет положить конец этой войне, почему он попросту не выведет из Афганистана войска? Если задержка вызвана стремлением

оставить после себя стабильное правительство, почему бы не провести в стране свободные и честные выборы под строгим международным надзором?

Поскольку ни один из этих вариантов, судя по всему, не устраивает Кремль, мы вынуждены сделать вывод: все, к чему он на самом деле стремится, — это создать видимость ухода из Афганистана.

Впрочем, **больше всего удивляет, пожалуй, новая политика „гласности“ (открытости).** Многие, должно быть, просто ошеломлены, читая в „Правде“ заметки с критикой советских реалий — той самой, которую еще несколько лет назад назвали бы „клеветой на социалистический строй“, со всеми вытекающими последствиями. Отчасти эта новая политика также призвана преподнести нужду как добродетель. На сегодняшний день советскому режиму просто нет смысла содержать гигантскую и дорогостоящую пропагандистскую машину, чьей „продукции“ мало кто верит.

Таким образом, **гласность помогает руководству СССР вновь привлечь к себе внимание советской общественности и одновременно улучшить собственный имидж за рубежом.** Реальная гласность немыслима без подлинных публичных дискуссий, в которых каждый мог бы принять участие, не опасаясь наказания. Другими словами, **она стала бы публичной гарантией от злоупотребления властью; а то, что мы наблюдаем, лишь всё та же партийная монополия на истину, только указание теперь состоит в том, чтобы истина пока носила критический характер по отношению к самому режиму. Но подобный приказ можно отменить хоть завтра.**

Или возьмем посмертную „реабилитацию“ нескольких выдающихся писателей — например, Бориса Пастернака, Николая Гумилева и Владимира Набокова. Стоит отметить, что подобной чести удостоиваются только те, кого уже нет на свете — они уж точно не скажут и не сделают чего-то неожиданного. Более того, множество покойных писателей, которым повезло меньше, всё еще ждет своей очереди. <...>

Это жутковатое „гробокопательство“ вряд ли можно счесть признаком либерализации... — как и адресованные некоторым видным эмигрантам приглашения вернуться „домой“, словно стае блудных сыновей, с обещаниями „забыть“ прошлое.

В конце концов, никто не мешает Советскому Союзу выпускать книги и пластинки эмигрантов, показывать их фильмы, пьесы и полотна. Если бы советским людям позволили делать выбор самостоятельно, эмигрантам - писателям и художникам не понадобились бы закулисные переговоры с властями. Прошлое можно забыть, но как „забудешь“ о том, что партия по-прежнему вездесуща и контролирует всё — особенно когда вы ощутили на Западе вкус свободы?

Наконец, представим себе, что самое смелое на сегодняшний день предложение г-на Горбачева — о проведении более свободных выборов в партийные органы — будет воплощено в жизнь. В результате этого гигантского шага вперед советские люди получили бы ту возможность, что имеет сегодня черное население ЮАР: наблюдать за свободными выборами для 7 процентов населения.

На деле советские лидеры могли бы, не меняя по-настоящему характера режима, позволить себе еще более радикальное временное „отступление“, чем то, что порождает сегодня столько необоснованных надежд. Они могли бы... допустить куда более масштабную эмиграцию и вывести войска из Афганистана. Они даже могли бы опубликовать „Архипелаг ГУЛАГ“ Александра Солженицына. Они могли бы сделать страну такой же „свободной“ и „капиталистической“, как Польша, Югославия и Китай.

Реальный вопрос заключается не в том, как далеко зайдет нынешняя „оттепель“, а в том, как долго она продлится. Ведь Советский Союз, в отличие от Венгрии и Польши, не живет в тени „старшего брата“, способного прийти на помощь, и, в отличие от Китая, у него есть множество „младших братьев“, требующих постоянной заботы.

На Западе не понимают главного: если бы советские лидеры действительно были бы настроены на радикальные перемены, им пришлось бы начать с отказа от правящей идеологии.

Идеология — то самое ядро советской системы, что не позволяет стране отклоняться от маршрута слишком далеко и слишком надолго; если главные идеологические постулаты останутся в неприкосновенности, долгосрочная советская стратегия останется пленницей ее принципов.

Пока официальная доктрина не предусматривает возможности мира с „классовыми врагами“, о каком подлинно „мирном сосуществовании“ с „буржуазными“ странами можно говорить? Не более вероятным выглядит и „мирное сосуществование“ внутри самого СССР.

Пока „всемирно-историческая борьба двух систем“ продолжается, советских граждан не могут просто оставить в покое, позволив им жить собственной жизнью и собственными стремлениями. Весь народ мобилизован в армию идеологических бойцов, от которых требуют, чтобы они воспринимали себя не как простых членов общечеловеческой семьи, а как носителей „социалистического правосудия“, „социалистической культуры“, „социалистического спорта“, а теперь и „социалистической гласности“.

Если Запад воспримет новую политику за чистую монету, он сосредоточится на внешних симптомах, игнорируя саму болезнь. **Серьезные перемены потребуют от советских лидеров отбросить ложные марксистско-ленинские догмы, прекратить „всемирно-историческую борьбу“, которую ведут только они сами, и позволить советским гражданам быть обычными людьми, которым можно будет вкладывать в слова „демократия“, „культура“, „правосудие“ и „гласность“ такой же смысл, как и их „буржуазным“ братьям.**

Более того, если Кремль искренне желает перевернуть одну страницу истории и начать новую, он должен прекратить эксплуатацию болезненных воспоминаний о Второй мировой войне в пропагандистских целях, отказаться от злобной „программы военно-патриотического воспитания“, в обязательном

порядке действующей во всех школах, и не допускать дальнейшей милитаризации общества. И, главное, он должен **сказать всю историческую правду о преступлениях, совершенных советским режимом.**

Национального примирения не добьешься, освободив пару сотен заключенных из тюрем, в которых они вообще не должны были находиться.

Советский Союз — тяжелобольная страна, чьи лидеры вынуждены были нарушить семидесятилетнюю традицию молчания просто для того, чтобы завоевать хоть какое-то доверие населения СССР и внешнего мира.

Однако это они сами должны научиться доверять другим. Они должны предоставить народу право отправлять правосудие в нормальных судах и приобрести достаточное уважение к общественному мнению, чтобы не прибегать к обычной тактике дезинформации и манипуляций.

Даже глупцу сегодня ясно: если 70 лет воплощения идеологической доктрины привели к запустению одну из самых богатых стран на планете, то эта доктрина ошибочна. Г-н Горбачев признает: за все эти годы никому не удалось исправить ситуацию. **Так, может быть, пришло время отказаться от самой системы?** Разве не Ленин сказал, что любая теория в конечном итоге проверяется только практикой?

Что же касается Запада, то пристало ли людям так спешить с рукоплесканиями в адрес СССР за обещания создать для своих граждан условия, которые они здесь не согласились бы терпеть и минуту?»

Источник: *Le Figaro. Paris. 1987. 8 mars; «Московские новости», 1987, 29 марта.*